

Научная статья
УДК 94(47).084
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-36-46>

**«И РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛУЧИЛИСЬ ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ. ПРЕЖНИЕ
«ОТПЕТЫЕ» МАЛЬЧИКИ... ИЗМЕНИЛИСЬ ДО НЕУЗНАВАЕМОСТИ»:
ИЗ ОПЫТА ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1920 – 1934 ГГ.)**

***Елена Ивановна
Белянкова***

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, helena-2106@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9514-9742>

Аннотация. Статья посвящена теме детской преступности в Советской России периода 1920-х – начала 1930-х гг. Автор исследует практику создания воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников. Приводятся статистические данные о росте числа беспризорников и преступников среди детей и подростков в то время, которые свидетельствуют об актуальности этой проблемы. В статье обращается внимание на то, что в основе системы воспитания в детских домах и трудовых колониях, созданных для несовершеннолетних правонарушителей, лежали идеи коллективизма и самоуправления. Огромная роль в деле профилактики преступности среди подрастающего поколения отводилась труду и строгой дисциплине. Воспитательно-исправительные учреждения, которые организовывались для данной категории детей, столкнулись со многими трудностями: недостаточность финансирования; одновременное пребывание в детских домах, как несовершеннолетних правонарушителей, так и детей с психическими отклонениями в развитии и умственной отсталостью; нехватка квалифицированного персонала и добросовестных руководителей. В статье приводится информация о работе некоторых учреждений, в частности Пермской трудовой колонии, Араповском детском приюте Тамбовского уезда, Ульяновской трудовой школе-коммуне при селе Максимовка. В начале 1930-х гг. произошла реорганизация воспитательно-исправительных заведений, которая привела к укрупнению детских домов и трудовых колоний, улучшению оборудования мастерских, повышению материального благосостояния воспитателей и преподавателей с целью привлечения более квалифицированных и заинтересованных в результатах своего труда кадров, организации шефства общественности и профессионального сообщества, привлечению рабочих фабрик и заводов для профессиональной подготовки детей.

Ключевые слова: Советская Россия, 20 – 30-е годы XX века, несовершеннолетние правонарушители, профилактика преступности несовершеннолетних, воспитательно-исправительные учреждения, трудовые колонии, детские дома, моральная дефективность, трудовое воспитание.

Для цитирования: Белянкова Е. И. «И результаты получились поразительные. прежние «отпетые» мальчики... изменились до неузнаваемости»: из опыта профилактики преступности несовершеннолетних в Советской России (1920–1934 гг.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 36–46. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-36-46>

Сведения об авторе: *Е. И. Белянкова* – доцент, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.



Scientific Article
UDC 94(47).084
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-36-46>

**“AND THE RESULTS ARE AMAZING. FORMER "INVETERATE" BOYS...
HAVE CHANGED BEYOND RECOGNITION ": FROM THE EXPERIENCE
OF PREVENTING JUVENILE DELINQUENCY IN SOVIET RUSSIA (1920 – 1934)**

Elena I. Belyankova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, helena-2106@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9514-9742>

Abstract. The article looks into the topic of child delinquency in Soviet Russia during the period of 1920s – 1930s. The author examines the practice of creating educational and correctional institutions for juvenile criminals. The work sites statistical data on the increase in the number of street children and delinquents among children and adolescents at that time, which indicates the urgency of this problem. The article draws attention to the fact that the system of education in orphanages and labor colonies created for juvenile offenders was based on the ideas of collectivism and self-government. Work and strict discipline were thought to play a huge role in the prevention of child delinquency. The educational and correctional institutions that were organized for this category of children faced many difficulties: insufficient funding; simultaneous stay in orphanages both juvenile delinquents and children with mental developmental disabilities and mental retardation, lack of qualified personnel and conscientious managers. The article provides information about the work of some institutions, in particular the Perm Labor Colony, the Arapov orphanage of the Tambov County, and the Ulyanovsk Labor School-Commune in the village of Maksimovka. At the beginning of the 1930s there was a reorganization of correctional educational institutions aimed at enlarging orphanages and labour colonies, improving the equipment of workshops, increasing the material well-being of teachers and educators in order to attract more qualified and interested in the results of their work staff, organizing patronage of the public and professional community, bringing factories and plants workers to train children.

Keywords: Soviet Russia, 20–30 years of the twentieth century, juvenile delinquents, juvenile delinquency prevention, educational and correctional institutions, labor colonies, orphanages, moral defectiveness, labor education.

For citation: Belyankova, EI 2021, “And the results are amazing. Former "inveterate" boys... have changed beyond recognition": from the experience of preventing juvenile delinquency in Soviet Russia (1920–1934)’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (8), pp. 36–46, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-36-46> (in Russ.)

Information about the Author: *Elena I. Belyankova* – Associate Professor, PhD in Pedagogy, Head of the Chair of Legal Disciplines, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Avenue, Tula, 300026, Russia.

Проблема профилактики преступности несовершеннолетних являлась актуальной в разные исторические эпохи и относилась к приоритетным задачам государства как в период экономических кризисов, политических потрясений, так и в ситуации благополучного развития страны. Острота проблемы и подходы к ее решению зависят от многих факторов. Немаловажную роль здесь играет форма государства, идеологическое состояние общества, уровень жизни населения и развитие науки, в том числе социально-гуманитарной.

После 1917 г. в Советской России проблема роста детской преступности была особенно актуальной. Так, максимальный количественный рост преступности среди несовершеннолетних приходился на 1921–1922 гг. Только зарегистрированных правонарушителей, прошедших через комиссии по делам несовершеннолетних, насчитывалось за 1921 г. – 54906, за 1922 г. – 53374. Но далеко не все правонарушения регистрировались и, тем более, раскрывались. По данным местных отделов народного образования, в эти годы из каждых 100 беспризорных детей 81 совершал какое-либо правонарушение. Подавляющую часть преступлений составляли кражи (до 91 %), но кроме них детьми совершались и более серьезные проступки – разбои, изнасилования, убийства [11, с. 897–900].

В статье автор рассматривает актуальные для 1920-х – начала 1930-х гг. вопросы: каким образом государство пыталось прекратить это «стихийное бедствие»; как организовывало эффективную воспитательную работу по профилактике преступности несовершеннолетних; с какими трудностями столкнулись воспитательно-исправительные учреждения, создаваемые для данной категории детей?

Ситуация, сложившаяся с преступностью несовершеннолетних, активно обсуждалась на различных уровнях, как государственными чиновниками, так и научным сообществом. Так, в 1920 г. этот вопрос был рассмотрен на I Всероссийском съезде деятелей по борьбе с детской дефективностью. Несовершеннолетние правонарушители, согласно терминологии того времени, относились именно к этой категории детей. В результате обсуждения было принято предложение П. Г. Бельского о создании следующих типов учреждений [9, с. 69]:

1) для морально-дефективных малолетних как чисто социального, так и смешанного происхождения (предрасположенных к правонарушениям по своей психической конституции, и потому особенно легко реагирующих на неблагоприятные социальные условия) – приюты (детские дома) и колонии;

2) для нервно- и душевнобольных несовершеннолетних – лечебно-воспитательные заведения;

3) для особенно трудных в воспитательном отношении в случае безуспешности всех ранее применявшихся мер перевоспитания – изоляционно-воспитательные дома [13, с. 281].

Следует отметить, что одним из дискуссионных вопросов того времени был вопрос о том, кто в первую очередь должен заниматься профилактической работой с несовершеннолетними правонарушителями: педагоги, медики или правоохранительные органы. В результате было принято решение о том, что работу с морально-дефективными детьми до 18 лет следует сделать подведомственной Народному комиссариату просвещения и направить усилия на отмену использования тюремного заключения в отношении несовершеннолетних [9, с. 47].

Важно отметить, что термин «морально-дефективный» просуществовал недолго. От него отказались примерно через четыре года после того, как ввели. Большой вклад в уточнение используемой тогда терминологии был сделан Вторым Всероссийским съездом социально-правовой охраны несовершеннолетних, который состоялся в ноябре 1924 года [8]. В то время наблюдался угрожающий рост беспризорности и преступности среди детей, которая перешла в разряд социального бедствия. Юристы,

психологи, педагоги (С. С. Тизанов, Е. С. Лившиц, О. Л. Бем, М. В. Крупенина, С. С. Моложавый, А. Е. Залкинд и др.) в ходе обсуждения этой проблемы пришли к выводу, что несовершеннолетнего правонарушителя, беспризорника нельзя рассматривать как «морально-дефективного» неполноценного ребенка. Среди участников съезда стало преобладающим мнение о том, что причинами роста преступности является жизненная, социально-экономическая ситуация, в которой они оказались, а не психические особенности или черты характера детей, поэтому им надо помочь выжить в сложных обстоятельствах, адаптироваться к условиям существования, а не относиться к ним, как к дефективным детям. Важнейшим итогом работы съезда является отказ от теории «моральной дефективности», поэтому воспитательно-исправительные учреждения для этой категории стали частью системы учреждений для нормальных детей.

Если говорить о практической реализации мероприятий в области профилактики преступности несовершеннолетних, важно отметить, что для этого первоначально необходимо было разработать соответствующую нормативно-правовую базу. Поэтому органами власти были приняты «Общие руководящие указания» и специальные инструкции по созданию воспитательно-исправительных заведений для данной категории детей. Важно отметить, что во всех указанных документах прослеживалась мысль о том, что эти учреждения, должны быть ориентированы на перевоспитание правонарушителей, они должны выполнять не карательную функцию, подобно тюрьмам, а оказывать морально-психологическую поддержку, помогать в адаптации к нормальной жизни, сформировать определенные трудовые навыки. Воспитатели должны помнить, что они работают не с преступниками, а с детьми, которые попали в сложную жизненную ситуацию. Для реализации этих функций в детских домах, приютах, трудовых колониях должны быть организованы психологическая лаборатория, мастерские, учебные кабинеты и библиотека.

В работе с такими детьми необходимо опираться на то, что подросткам нужно предоставить максимальную возможность участвовать в организации жизни в воспитательно-исправительном учреждении, используя механизмы самоуправления и идеи коллективизма. Такой подход был связан с тем, что «уличная беспризорность формирует у детей способность к объединению и умение жить организованно в группах» [2, с. 15]. В случае, если эту «энергию» удастся направить в правильное русло, можно добиться успехов в реализации профилактической работы. Акцент на трудовом воспитании должен был помочь подросткам увидеть значимость своей деятельности и быстрее избавиться от «моральной дефективности».

Одним из методов воспитательного воздействия на несовершеннолетних являлся строгий режим дня, который способствовал формированию дисциплины и установлению порядка. В различных заведениях устанавливались свои собственные правила, которые учитывали особенности детей, находящихся в них, возможности материально-технической базы, специфику персонала, работающего с несовершеннолетними правонарушителями. В распорядке дня отводилось время учебным занятиям, обучению ремеслу, занятиям по интересам и развлечениям.

Например, рабочий день в Пермской трудовой колонии был распределен таким образом: подъем в 8.00; одевание, умывание, приборка до 8.30; с 8.30 до 9.00 – чай, с 9.00 до 12.30 – школьные занятия, с 12.30 до 13.00 – приготовление к обеду, с 13.00 до 14.30 – обед и отдых, с 14.30 до 18.00 – работа в мастерских для старших ребят, для младших воспитанников мелкая работа по хозяйству до 16.30 и свободный отдых. С 18.00 до 18.30 – чай, 18.30 – 20.30 – клубная работа, в 20.30 – 21.00 – ужин и приготовление ко сну и с 22.00 – сон для младших и с 23.00 – сон для старших. В воскресенье и праздничные дни – полный отдых и занятия в соответствии с личными интересами [2, с. 24].

Таким образом, идеи трудового воспитания, коллективных начал и самоуправления, жесткий распорядок дня были положены в основу работы воспитательно-исправительных учреждений. Однако нельзя сказать, что этот подход срабатывал в 100 % случаев. В частности, есть свидетельства о том, что в некоторых регионах хоть и были созданы приюты, куда помещались несовершеннолетние правонарушители, однако их воспитанием и обучением никто не занимался. Дети занимались бродяжничеством и просили милостыню. Так было, например, в Араповском детском приюте Тамбовского уезда, в учреждениях, находившихся в Велибеевском уезде Уфимской губернии, Усманском уезде Тамбовской губернии и др. [3].

Известны случаи, когда появление воспитательно-исправительного учреждения для данной категории детей в отдельных городах способствовала не сокращению детской преступности, а ее росту. «Помещающиеся в доме Жохова на одном дворе с заводом малолетние преступники занимаются расхищением заводского имущества и разрушают принадлежащие заводу сооружения». Ввиду этого, «колония преступников является крайне нежелательным и опасным явлением для целостности единственного меднолитейного завода в Иваново-Вознесенске». Местные жители, также страдали от «налетов колонистов» этого детского дома, выражавшихся в постоянной ругани в адрес проходящих граждан, нанесении оскорблений действием, совершении краж [5].

В итоге, вслед за современниками [2, с. 16–17] можно выделить следующие трудности, с которыми пришлось столкнуться воспитательно-исправительным учреждениям для несовершеннолетних правонарушителей:

Во-первых, это нехватка финансирования. Всех помещаемых в них детей, нужно было одеть, обууть, накормить, то есть удовлетворить хотя бы элементарные их потребности. Особенно часто эта проблема недостаточного финансирования возникла в тех учреждениях, где по каким-либо причинам невозможно было создать условия для трудового обучения, так как мастерские, созданные при приютах, могли приносить самостоятельный доход, который расходовался, в том числе, и на содержание воспитанников. Если такие мастерские невозможно было создать, то дополнительного дохода у заведения не было.

Во-вторых, создание детских домов для различных категорий детей (сирот, беспризорников, правонарушителей, душевнобольных, умственно-отсталых) – дело очень трудозатратное и, опять же, дорогостоящее. Учитывая растущую отрицательную динамику в этом вопросе, зачастую сначала создавались заведения для беспризорников и правонарушителей, а потом, вследствие нехватки мест в детских домах различных типов, в них помещались и другие категории детей. В результате построить эффективную профилактическую работу с малолетними преступниками было проблематично.

В-третьих, еще одной проблемой была нехватка квалифицированных кадров. Важно было не только найти работников, готовых работать с несовершеннолетними правонарушителями, которые были бы заинтересованы в результатах своей работы, но и сохранить персонал, который хоть и хотел помочь таким детям, однако условия труда и низкая заработная плата заставляли их искать другое место работы [6].

В-четвертых, чтобы заведение эффективно и качественно выполняло поставленные перед ним задачи, необходим грамотный руководитель. Однако найти таких было крайне сложно. Так, в докладной записке НК РК РСФСР, подготовленной Комиссией по улучшению жизни детей, отмечалось, что «администрация и воспитательный персонал многих учреждений оставляет желать лучшего, в большинстве случаев по своим нравственным качествам он не соответствует своему назначению. Заведующий трудовой колонией в Оренбурге в момент обследования был пьян. По данным из Томской губернии администрация старается создать за счет детей лучшие условия

жизни для себя и потому обкрадывает ребят, ворует отпускаемое для них продовольствие. По данным Тамбовской губернии отмечается тоже самое, при чем детей обворовывают не только близко стоящие, но и ответственные сотрудники отделов народного образования» [4].

По данным П. И. Люблинского всего в 1923 г. в России действовали 168 учреждений для морально-дефективных детей. Из них школы функционировали более или менее правильно в 27, работали с перебоями – в 72 учреждениях, работали менее правильно – в 47, совсем не велось школьных занятий в 49. Руководители специалисты по дефективности с тем или иным стажем имелись всего в 60 учреждениях. В 47 руководители имели общее педагогического образование и в 61 учреждении руководителями являлись лица без всякой педагогической подготовки. Что касается трудового воспитания, то в 47 имелись мастерские (преимущественно сапожные, переплетные, столярные, слесарные, кузнечные), в 28 дети обучались тому или иному труду, в 64 практиковалось самообслуживание, в 29 не было отмечено никаких трудовых процессов. В тех учреждениях, в которых имелись мастерские, работа шла не всегда гладко, причиной тому была нехватка материалов, инструментов, инструкторов-руководителей. В 20 учреждениях имелись огороды. В 16 учреждениях, колониях сельскохозяйственного типа, имелась пахотная земля, ремесленные мастерские. Большинство из этих колоний были преобразованы из сельскохозяйственных исправительно-воспитательных заведений [13, с. 255–278].

Существовавшие детские дома были переполнены иногда на 30 – 40 %, а для открытия новых не было средств ни в центре, ни на местах [15]. Из-за нехватки финансирования количество детских учреждений началось сокращаться. По отдельным губерниям их число уменьшилось на 30 – 60 %, а в целом по стране в 1923 г. по сравнению с 1922 г. сеть детдомов сократилась с 6063 до 3971, детей в них – с 540 тыс. до 253237 человек. В последующие пять лет эти показатели уменьшились еще вдвое [7].

Кроме детских домов в 1920-е гг. начали создаваться трудовые коммуны. Первые учреждения такого типа появились в 1924 г. Учитывая то, что они были ориентированы на самостоятельное «зарабатывание» денег и частичное самообеспечение, в условиях нехватки финансовых ресурсов такой тип воспитательно-исправительных учреждений стал достаточно распространенным и востребованным. Положение о трудовых коммунах, документ заложивший правовые основы для заведений такого типа, было принято в 1925 г. [14]. Кроме того, определенную регламентацию деятельности проводило Инструктивное письмо Главного управления социального воспитания и политехнического образования, которое устанавливало порядок реорганизации учреждений для несовершеннолетних правонарушителей и правила работы с этой категорией детей [10, с. 230–238].

Начальник Главсоцвоса М. Эпштейн, опираясь на опыт работы существующих учреждений для трудных детей, отмечал, что в них, главным образом, попадают подростки, оторвавшиеся от трудовой среды, и беспризорные, перед которыми стоит вопрос о самостоятельном заработке. Отсутствие возможности поддержать свое существование обычным путем направляет этих ребят по пути правонарушений, нередко становящихся у подростков привычными [10, с. 233].

Коммуны организовывались для детей обоего пола в возрасте от 12 до 16 лет из числа: а) переростков, не прошедших нормальной школы, как беспризорных, так и из детских домов; б) подростков, которые в результате тяжелых социальных и материальных условий жизни приобрели социально вредные навыки; в) подростков, прошедших через Комиссию по делам несовершеннолетних [1].

Обязательным условием создания трудовой коммуны являлось то, что-либо в ней должна быть организована специальная «база», на которой подростки могли получить трудовые навыки и возможность зарабатывать. К таким «базам» относились

производственные мастерские, места для организации сельскохозяйственных работ (сельхозы). Количество отработанного воспитанниками времени строго фиксировалось, так как от этого зависела их заработная плата. Она не поступала лично в руки, а помещалась в общий фонд коммуны. Как правило, заработанные воспитанниками деньги использовались для удовлетворения элементарных потребностей детей (одежда, обувь, продукты питания), на покупку оборудования и необходимых материалов для мастерских и сельхозов, улучшение условий труда в них. Кроме того, часть средств тратилась на личные нужды детей и формирование фонда денежных средств, который воспитанники могли получить, когда покидали коммуну.

Таким образом, образовательный процесс в таких заведениях строился с преобладанием трудового обучения, однако он не исключал и передачу некоторых общественно-политических знаний, которые могут быть полезны ребенку после выхода из коммуны как для полноценной трудовой деятельности, так и, в случае необходимости, получения дальнейшего образования. Учитывая идеологическую ситуацию в молодом советском государстве, такие знания имели особое значение.

В трудовых коммунах, также как и в детских домах для несовершеннолетних правонарушителей, правила совместного сосуществования, распорядок дня не спускался «сверху», а принимался ее членами с учетом указанной выше нормативной базы. После обсуждения эти правила утверждались местными отделами народного образования. Таким образом, и здесь создавались возможности для организации самоуправления. В результате все жизнеобеспечение ложилось на плечи самих воспитанников: от самообслуживания до охраны территории и имущества коммуны, от установления режима дня до уборки и ремонта помещений.

В большинстве случаев в качестве органа, осуществляющего руководство, являлось общее собрание. В нем принимали участие как сами воспитанники коммуны, так и воспитатели, технический персонал и руководители коммуны, представители отдела народного образования и инициативная общественность, которая в определенных случаях участвовала в работе этих учреждений.

На общем собрании решались следующие вопросы:

- обсуждался и утверждался режим дня;
- распределялись обязанности между членами коммуны;
- обсуждалось поведение членов коммуны и, в случае необходимости, принимались меры дисциплинарного взыскания, вплоть до удаления;
- происходили выборы специальных органов, комиссий, лиц, на которых возлагалось исполнение решений общего собрания;
- обсуждался бюджет коммуны, планировались ее доходы и расходы;
- подводились итоги работы коммуны, заслушивались отчеты [14].

В любом случае акцент в работе с несовершеннолетними правонарушителями в учреждениях такого рода был сделан именно на трудовом обучении и воспитании. Не случайно наличие мастерских и/или сельхозов было обязательным. Идея высокого значения труда в деле «перевоспитания» трудных подростков была заложена еще традициями дореволюционными воспитательно-исправительными учреждениями. В молодой Советской России эта идея приобрела особую ценность. «В отношении социально-опасных подростков приходится возлагать надежды на дисциплинирующую роль организованного труда, на пробуждение заинтересованности в этом труде. Этот подход к тяжелым детям, за самыми редкими исключениями, дает положительные результаты и пока нас не обманывал. Метод длительный, требует громадного запаса терпения, но неуклонно указывает верный путь. Заинтересованность в продукции своих работ избавляет нас и от случаев присвоения казенного имущества и намеренной порчи вещей, так как это присвоенное, или испорченное пополняется из специальных средств, т.е. из сумм, заработанных самими ребятами» [2, с. 46]. В

данном случае речь идет об Ульяновской трудовой школе-коммуне, которая находилась в селе Максимовка. При ней были созданы производственные мастерские, в которых работали воспитанники, начиная с четырнадцати лет. При этом важно отметить, что в мастерских не только выполнялись работы, необходимые для самой коммуны, но и удовлетворялись потребности местного населения, которые обращались с частными заказами. Этот опыт был достаточно эффективным, так как у детей таким образом в большей степени развивалась ответственность за результаты своего труда, повышался интерес, улучшалось качество выполнения работ.

Большое значение в достижении эффективности профилактической работы и положительного воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей имели отношения, которые складывались между детьми и педагогическим персоналом. Только ответственный человек, который «душой» радеет за результаты своей работы, максимально участвует в жизни воспитанников, может достигнуть высоких результатов. В связи с этим, интересным является мнение заведующего коммуны «Новые Горки»:

«...Для детей надо уметь быть хорошим товарищем. Тут не нужна систематическая административная официальность. Надо чаще бывать с ними, уметь ловить их настроения. Нельзя придавать большого значения в присутствии их тому, или иному проступку в момент происшествия. Надо опасаться обещаний, которые впоследствии не могут сбыться – этим больше всего подрывается авторитет старшего товарища. В случае применяемых к детям административно, или через исполком, наказаний, нужно стараться сделать так, чтобы ребенок понял, что старший товарищ старается смягчить наказание. Не всегда можно доверить самостоятельное применение мер воздействия исполкому, иногда чрезмерность или неправильный подход в наложении взыскания могут повлечь за собою уход ребенка из коммуны. Нельзя иметь любимчиков или, как они говорят, подлиз. Надо стараться быть, как можно больше откровенным с ними. А самое главное, что их приближает к взрослым и старшим товарищам, – это активное участие во всех работах, какие бы они ни были; этим завоевывается авторитет, и доверии и уважение» [2, с. 64].

В качестве примера о типах воспитателей в трудовых коммунах можно привести еще одно мнение: «Желательно присутствие в одном учреждении двух типов воспитателей, объединенных единством цели, но по-разному ее достигающих. Один – строгий, грубоватый, наводящий порядок, олицетворение немедленного воздействия в случае сопротивления. Второй – мягкий, ровный, ласковый. По закону контрастов оба необходимы, они дополняют друг друга. Оба должны быть всесторонне развиты» [12, с. 67].

Но, несмотря на все усилия и широкое распространение трудовых коммун, средств на качественное обеспечение работы воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей выделялось недостаточно. В результате в 1928 г. было принято постановление «О мерах к улучшению положения и работы детских домов» [16], согласно которым ответственность за организацию работы в этих заведениях возлагалась на местные комитеты. В данном документе указывались следующие меры:

1. С целью улучшения материально-технического обеспечения учебно-производственные мастерские для несовершеннолетних укрупнить.
2. Организовать работы в мастерских для детей, начиная с тринадцатилетнего возраста.
3. Для привлечения квалифицированного персонала, в том числе мастеров из числа рабочих фабрик и заводов, повысить заработанную плату персоналу данных учреждений.

4. Создать условия для привлечения предприятий, общественных объединений по принципу «шефства» с целью оказания как материальной помощи воспитательно-исправительным учреждениям, так и организации общественного контроля.

Однако, несмотря на все приложенные усилия, положение трудовых коммун и детских домов нельзя считать хорошим. Например, в Постановлении ВЦИК от 10 мая 1934 г. «О состоянии детских домов в Центрально-Черноземной области», отмечалось, что значительная часть детских домов находилась в чрезвычайно тяжелом положении, вследствие невыполнения директив правительства о детских домах и неудовлетворительном руководстве со стороны областного отдела народного образования. Комиссией были выявлены некоторые недостатки: плохая организация профессиональной подготовки воспитанников, не поставлена работа по патронированию детей в колхозах, не организовано шефство предприятий и учреждений над детскими домами. В итоге ВЦИКом были разработаны соответствующие меры по устранению указанных недостатков, кроме того, некоторым руководителям были объявлены выговоры за неисполнение директив правительства, часть из них были сняты с занимаемых постов [15].

Процесс создания воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в Советской России начался в 1920-е г., что было связано с угрожающим ростом числа беспризорников, которые появились после революции и гражданской войны. Разветвлённая сеть специализированных детских домов и трудовых коммун способствовала решению проблемы профилактики преступности несовершеннолетних, которая стояла особенно остро. Однако возникали и определенные трудности, связанные с недостатком финансирования, проблемами кадрового состава, как среди воспитателей, так и среди руководителей. Тем не менее, в целом этот опыт, с учетом социально-экономической и политической ситуации того времени, можно считать эффективным.

Список источников и литературы

1. Бендер Е. А. Правовые основы борьбы с детской беспризорностью в РСФСР в 1920–1930-е годы // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14. С. 177–188. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-borby-s-detskoj-besprizornostyu-v-rsfsr-v-1920-1930-e-gody> (дата обращения: 05.12.2021).
2. *Беспризорные в трудовых коммунах: Практика работы с трудными детьми* : сб. статей и материалов / под ред. В. Л. Швейцер и С. М. Шабалова ; Наркомпрос РСФСР, Главсоцвос, Отд. соц.-прав. охраны несовершеннолетних. М.: Главсоцвос НКП, 1926. 215 с.
3. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)*. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 18.
4. *ГАРФ*. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 19.
5. *ГАРФ*. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 25.
6. *ГАРФ*. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 740.
7. *ГАРФ*. Ф. Р-1235. Оп. 71. Д. 750. Л. 12.
8. *Детская беспризорность и детский дом* : сб. статей и материалов II Всероссийского съезда СПОН по вопросам детской беспризорности, детского дома и правовой охраны детей и подростков / под ред. С. С. Тизанова, В. Л. Швейцер, В. М. Васильевой ; Наркомпрос РСФСР, Главсоцвос. М.: Отд. соц.-прав. охраны несовершеннолетних, 1926. 215 с.
9. *Детская дефективность, преступность и беспризорность* : по материалам I Всероссийского съезда деятелей по борьбе с детской дефективностью 24/VI-2/VII 1920 г. / ред. Бюро мед.-пед. консультации Наркомпроса. М.: Гос. изд-во, 1922. 100 с.
10. *Инструктивное письмо Главсоцвоса о реорганизации учреждений для трудных детей и о постановке в них работы* // Детская беспризорность и детский дом : сб. ст. и материалов II Всерос. съезда СПОН. М., 1926. С. 230–238.

11. Левитина М. И. (Маро) Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. М., 1925. 466 с.
12. Лилиенберг. Работа с морально-дефективными подростками в условиях настоящего времени // Детская дефективность, преступность и беспризорность : по материалам I Всерос. съезда деятелей по борьбе с детской дефективностью. М., 1922. С. 67.
13. Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 302 с.
14. Положение о трудовых коммунах // Еженедельник НКП. 1926. № 8. Ст. 52.
15. Постановление ВЦИК «О состоянии детских домов в Центрально-Черноземной области» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1934. № 21. Ст. 124.
16. Постановление ВЦИК и СНК «О мерах к улучшению положения и работы детских домов» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1928. № 117, отд. 1. Ст. 734.

References

1. Bender, EA 2013, 'Pravovyye osnovy bor'by s detskoy besprizornost'yu v RSFSR v 1920–1930-ye gody' (Legal framework for combating child homelessness in the RSFSR in the 1920s–1930s), *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, vol. 14, pp 177–188, viewed 5 December 2021, <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovyye-osnovy-borby-s-detskoy-besprizornostyu-v-rsfsr-v-1920-1930-e-gody> (In Russ.)
2. Shveytser VL & Shabalova SM (eds) 1926, *Besprizornyye v trudovykh kommunakh: Praktika raboty s trudnymi det'mi* (Homeless children in labor communes: Practice of working with difficult children: collection of articles. articles and materials), Glavsotsvos NKP Publ., Moscow. (In Russ.)
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* (State Archive of the Russian Federation), fund 5207, inventory 1, file 17, sheet 18. (In Russ.)
4. *GARF*, fund 5207, inventory 1, file 17, sheet 19, Moscow. (In Russ.)
5. *GARF*, fund 5207, inventory 1, file 17, sheet 25, Moscow. (In Russ.)
6. *GARF*, fund 5207, inventory 1, file 740, Moscow. (In Russ.)
7. *GARF*, fund P-1235, inventory 71, file 750, sheet 12, Moscow. (In Russ.)
8. Tizanov, SS, Shveytser, VL, & Vasilyeva, VM (eds) 1926, *Detskaya besprizornost' i detskiy dom : sb. statey i materialov II Vserossiyskogo s'yezda SPON po voprosam detskoy besprizornosti, detskogo doma i pravovoy okhrany detey i podrostkov* (Children's homelessness and orphanage: collection of articles. articles and materials of the II All-Russian Congress of the SPON on the issues of child homelessness, orphanage and legal protection of children and adolescents), Otdel sotsialno-pravovoy okhrany nesovershennoletnikh Publ., Moscow. (In Russ.)
9. Byuro mediko-pedagogicheskoy konsul'tatsii Narkomprosa (ed) 1920, 'Detskaya defektivnost, prestupnost i besprizornost' (Childhood Defectiveness, Crime and Homelessness), *po materialam I Vserossiyskogo syezda deyateley po borbe s detskoy defektivnost'yu* (based on the materials of the I All-Russian Congress of Figures against Childhood Defectiveness), 26 June–2 July, Gosudarstvennoye izdatel'stvo Publ., Moscow. (In Russ.)
10. 'Instruktivnoye pis'mo Glavsotsvosa o reorganizatsii uchrezhdeniy dlya trudnykh detey i o postanovke v nikh raboty' (Instructional letter of Glavsotsvos on the reorganization of institutions for difficult children and on the setting of work in them) 1926, *Detskaya besprizornost i detskiy dom* (Child homelessness and orphanage), pp. 230–238, Moscow. (In Russ.)
11. Levitina, MI (Maro) 1925, *Besprizornyye. Sotsiologiya. Byt. Praktika raboty* (Homeless children. Everyday life. Sociology. Be. Work practice), Moscow. (In Russ.)
12. 'Lilienberg. Rabota s moral'no-defektivnymi podrostkami v usloviyakh nastoyashchego vremeni' (Lilienberg. Working with mentally handicapped adolescents in the present conditions) 1922, *Detskaya defektivnost, prestupnost i besprizornost* (Childhood Defectiveness, Crime and Homelessness), Moscow. (In Russ.)

13. Lyublinskiy, PI 1923, *Borba s prestupnostyu v detskom i yunosheskom vozraste (sotsialno-pravovyye ocherki)* (The fight against crime of children and adolescents (social and legal essays)), Yuridicheskoye izdatelstvo Narkomyusta Publ., Moscow. (In Russ.)
14. 'Polozheniye o trudovykh kommunakh' (Regulations on labor communes) 1926, *Ye-zhenedel'nik NKP*, vol. 8, art. 52. (In Russ.)
15. 'Postanovleniye VTSIK «O sostoyanii detskikh domov v Tsentral'no-Chernozemnoy oblasti» (Resolution of the All-Russian Central Executive Committee "On the state of orphanages in the Central Black Earth Region") 1934, *Sobraniye uzakoneniyy i rasporyazheniyy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR* (Resolution of the All-Russian Central Executive Committee "On the state of orphanages in the Central Black Earth Region"), vol. 21, art.124. (In Russ.)
16. Postanovleniye VTSIK i SNK «O merakh k uluchsheniyu polozheniya i raboty detskikh domov» (Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars "On measures to improve the situation and work of orphanages") 1928, *Sobraniye uzakoneniyy i rasporyazheniyy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR* (Resolution of the All-Russian Central Executive Committee "On the state of orphanages in the Central Black Earth Region"), vol. 117, dep. 1, art. 734. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.12.2021
Одобрена после рецензирования: 20.12.2021
Принята к публикации: 21.12.2021

The article was submitted: 16.12.2021
Approved after reviewing: 20.12.2021
Accepted for publication: 21.12.2021